

КАРАУЛ!

Русская интервенция!

Наталья Беглова

На рубеже двух веков — девятнадцатого и двадцатого — Женеву по праву можно было назвать столицей изгнанников. Здесь нашли прибежище многочисленные, как сегодня сказали бы, «инакомыслящие», в первую очередь, из России. Полагают, что в этот период в Женеве проживало более пяти тысяч гонимых и переживавших сложные моменты жизни, и большая часть из них были выходцами из Российской империи. И это в городе, население которого в 1888 году составляло чуть более ста тысяч человек!

Если сюда добавить русских студентов, учившихся в Женевском университете, о чем мы еще будем говорить ниже, и профессуру университета, которая на 13 процентов состояла из выходцев из России, то понятно, почему женеvцы испытывали определенное беспокойство. Женевский университет полюбился также болгарским, турецким и польским студентам, поэтому не вызовет удивления и то, что некоторые прямо заговорили об интервенции выходцев с Востока!

В конце века Женевский университет стал воистину интернациональным. На его скамьях сидело больше студентов-иностранцев, чем в университетах многих других, гораздо более крупных городов. Так, если в 1886 году в Женевском университете училось 255 иностранных студентов, то в университете Берлина — значительно более старом и известном — их было всего 244. А в дальнейшем число русских студентов все увеличивалось. К началу 90-х годов в университете числился 591 студент, причем 361 был иностранного происхождения, то есть иностранцы составляли более 60 процентов от общего числа учащихся! Стоит ли удивляться, что орган консервативно настроенных преподавателей Женевского университета la Suisse universitaire, описывая ситуацию, употребил такие термины как «угроза» и «нашествие» и сетовал на то, что обилие иностранных, плохо подготовленных студентов привело к снижению уровня преподавания в университете.

Дело дошло до того, что в 1903 году прошла демонстрация швейцарских студентов, протестовавших против

засилья «азиатов». Как отмечала печать, это был протест именно против русских учащихся со стороны швейцарской молодежи из состоятельных швейцарских семей.

Все увеличивавшееся количество русской студенческой молодежи и присутствие революционеров-эмигрантов, выходцев из России, пугало и правительство Женевы. Городские власти стремились привлечь публику совсем иного рода — богатых иностранцев, которые могли бы внести свой вклад в развитие экономики города. Так, в одном из своих официальных документов в 1886 году Государственный Совет — правительство города — с гордостью констатировал, что Женеву избрали в качестве постоянного места жительства 90 миллионеров и несколько мультимиллионеров. Вот о каких жителях мечтали городские власти! А русские студенты и эмигранты, из-за которых Женева из притягательного во всех отношениях города превратилась в «одну из горячих точек земного шара», были способны лишь отпугнуть богатых туристов и тех состоятельных людей, которые могли бы здесь поселиться.

Что же конкретно инкриминировали женеvцы выходцам из России, в чем их обвиняли и почему некоторые договаривались до того, что «... эти русские вызывают отвращение»?

Уже один их внешний вид не вызывал, мягко говоря, энтузиазма у жителей города.

К чему эти нечесанные бороды под Гарибальди? А что у них за стрижка? Космы длинных нестриженных волос, спадающих на лицо. Эта прическа даже получила название «подпольной», поскольку, скорее всего, как считали

Фасад Женевского университета. Фото автора

многие, задача состояла в том, чтобы замаскироваться. И вдобавок эти странные большие черные шляпы с опущенными полями. Конечно, все для того, чтобы скрыть лицо! Инструктируя группу революционеров, собиравшихся незаконно перейти границу, пробираясь из Швейцарии в Россию, среди которых была и Вера Засулич, человек, переправлявший группу, специально предупредил: «Пожалуйста, не надвигайте вашу шляпу на глаза...».

А эта манера сутулиться и постоянно засовывать руки в карманы то пиджаков, то брюк! И где они только воспитывались, эти русские!

А одежда! Это же уму непостижимо, как можно так одеваться! Помятые брюки, засунутые, чаще всего, в сапоги. Сомнительной свежести рубашка, похожая на нижнее белье, высовывающаяся из-под пиджака и еще подпоясанная каким-то ремешком. Иногда по вороту рубашки идет вышивка красной нитью. Говорят, что таким образом они демонстрируют свою связь с крестьянством и пролетариатом! Бог знает, что такое!

Раздражение вызывало и то, что русские отличаются пугающей худобой и бледностью. Хотя чему же тут удивляться? Все это было следствием малокалорийного питания, ведь большая часть русских студентов и эмигрантов были выходцами отнюдь не из богатых семей и располагали весьма ограниченными денежными средствами.

Подозрительным казалось даже то, что очень многие из них носили очки! Полагали, что близорукость являлась следствием долгих часов, проведенных за чтением запрещенной литературы!

Болезненный и неопрятный вид русских студентов резко контрастировал с ухоженным видом розовощекой,

выросшей на чистом альпийском воздухе швейцарской молодежи. Оставалась лишь слабая надежда на то, что хорошее питание и свежий воздух помогут и русским молодым людям избавиться не только от малокровия и близорукости, но и от увлечения революционными идеями!

Образ жизни русских студентов и эмигрантов был также весьма специфическим. Как правило, жили они по нескольку человек в одной квартире, своеобразными коммуналами: делили еду, одежду, учебники и книги. Поочередно выполняли домашнюю работу, готовили и производили закупки. В студенческой среде говорили, что русские живут, «как верблюды». Подразумевалось, что они обходятся буквально самым необходимым. Студенты во время каникул за неимением средств на родину не уезжали, а нанимались куда-то на работу, чаще всего учителями в дома, где были дети, чтобы накопить денег на дальнейшую учебу. Правда, на работу в приличные семьи нанимали их с неохотой, уж очень большое недоверие вызывал их внешний вид.

Справедливости ради надо отметить, что не только Женева не любила русских, но и русские платили ей тем же. Возьмем того же Владимира Ильича, проведшего в Женеве в общей сложности четыре года (Ленин находился в Женеве в 1895 году, вновь приехал в 1900, затем жил здесь с 1903 по 1905 год и вновь оказался в 1908 году). В одном из писем к Луначарскому, с которым он, кстати, познакомился именно в Женеве, Ленин писал: «Грустно, черт побери, снова вернуться в проклятую Женеву!». Луначарский вторит Владимиру Ильичу и не жалеет нелицезвонных слов в адрес города, где «самый ход жизни женевских мещан похож был на ход изготовляемых ими часов».

Почему же, спрашивается, такое количество русских «мучилось» в этом скучном городе, а не отправлялось в эмиграцию куда-то в другое место, менее мещанское? Как признавал тот же Луначарский, происходило это потому, что более либерально, чем в Швейцарии и особенно в Женеве, к эмигрантам и тем более к потенциальным революционерам нигде не относились. Женеве с давних времен отличалась терпимостью к различным религиям, идеологиям, традициям и нравам. Именно это и позволило ей стать тем, чем она стала — городом, привечавшим много столетий всех, кто не ужился с собственной властью. От нашедшего прибежище в Женеве требовали немного: исправно платить налоги и соблюдать определенные правила общежития. Добавьте к этому тот факт, что со времен Венского конгресса Швейцарии был гарантирован статус нейтралитета. Особый климат терпимости в отношении гонимых подкреплялся и тем, что в 1863 году в Женеве была создана организация Международный Комитет Красного Креста, провозгласившая своей задачей защиту гуманитарных ценностей. Девиз этой организации «Все мы братья» ко многому обязывал.

Немаловажным фактором было и то, что Отделение по охране общественной безопасности и порядка Российской империи (или попросту охранка), орган Департамента полиции Министерства внутренних дел, занимавшийся политическим сыском, не имело таких тес-

ных связей со швейцарской политической полицией, как скажем, с французской. Не случайно поэтому особенно активно за русской эмиграцией следили из соседнего с Женевой городка — Аннемасса. Специальная политическая служба Аннемасса имела гораздо больший штат, чем аналогичная служба Женевы, и в ее задачу входила слежка за неблагонадежными гражданами Российской империи, окопавшимися в Женеве.

Надо сказать, что, начиная с середины семидесятых годов девятнадцатого века, хлопот у французской, как, впрочем, и у женевской полиции, значительно прибавилось. Если раньше объектами слежки были в основном мужчины, то теперь среди русских эмигрантов и особенно среди студентов появилось большое количество особ женского пола, не вызывавших большого доверия.

Справедливости ради следует отдать должное женевским женщинам. Именно их заслуга в том, что русские студентки смогли учиться в Женевском университете. В 1872 году в Большой Совет — главный законодательный орган кантона Женевы — была подана петиция от тридцати жительниц города с просьбой разрешить женщинам учиться в университете. Интересно, что петицию подали не молодые девушки, а тридцать «женщин Женевы, матерей семейств» — так они обозначили себя в данном прошении. Не сумев получить высшее образование, они хотели добиться этой возможности для своих дочерей. В

Женевский университет, вход со стороны парка. Фотография автора

Будни Женевского университета.
Фото из Интернета

Женевском парламенте прошли бурные дебаты: демарш женевских женщин поддержал такой выдающийся ученый с международной репутацией как Карл Вогт. В итоге 19 октября 1872 года был принят закон, в соответствии с которым женщины наравне с мужчинами могли получать высшее образование. Интересно, что данное решение совпало с рождением Женевского университета. До этого, как я уже писала, он назывался Академией Женевы. Женева стала вторым после Цюриха городом Швейцарии, открывшим двери высших учебных заведений для женщин.

Парадоксально, но плодами этого вновь установленного равенства воспользовались в первую очередь не те, кто его добивался. Если швейцарских девушек в Женевском университете можно было пересчитать по пальцам, то количество русских, украинок, полячек, литовок, армянок, евреек не переставало расти.

Большое количество студенток из Российской империи объяснялось прежде всего тем, что на родине получить высшее образование они, практически, не могли. Единственным исключением были Санкт-Петербургские высшие женские курсы, основанные в 1878 году и вошедшие в историю как Бестужевские курсы. Поступить на эти курсы девушкам еврейского происхождения было исключительно сложно, поэтому среди студенток Женевского университета их было особенно много.

В то время, когда швейцарским девушкам по-прежнему внушалось, что между мужчинами и женщинами знак равенства не стоит и стоять не должен, в Женеве стало появляться все больше молодых девушек и женщин, которые опровергали этот постулат. В 1880 году в Женевском университете обучалось 14 девушек, из которых лишь одна была швейцаркой, остальные — представительницы «Востока». В 1896 году в Женевском университете на медицинском факультете их было уже 73 и их количество продолжало увеличиваться. Десять лет спустя, в 1906 году здесь училось уже 150 девушек, приехавших из Российской им-

перии, и лишь одна швейцарка. В итоге с 1872 по 1914 год 480 русских студенток получили здесь диплом о высшем образовании. И лишь 22 швейцарки. А в 1882 году русская — Ольга Гортинская — первой среди женщин защитила кандидатскую диссертацию в области медицины. Швейцарке это удалось сделать лишь в 1900 году.

Женщинам-выпускницам университета трудно было устроиться на работу по специальности по окончании университета. Первопроходцами и в этой области стали также представительницы Российской империи, получившие образование на медицинском факультете и по разным причинам осевшие в Женеве. Это Генриетта Салос-Жудра, Нина Дайнов-Диккер, Розалия Боград-Плеханова, жена выдающегося русского революционера Георгия Плеханова. Она училась на врачебных курсах в России, а когда вместе с мужем оказалась в Женеве, то в 1889 году также получила диплом медицинского факультета Женевского университета. Розалия Боград-Плеханова была очень популярна среди русских эмигрантов и студентов, которых часто не только лечила, но и оказывала им всяческую помощь.

Женщины-врачи проложили дорогу тем, кто получил образование и в других областях знаний. Слава некоторых из них вышла за пределы не только Женевы, но и Швейцарии. Это Лина Штерн, Вера Богдановская и многие другие.

Когда сегодня мы слышим разговоры о «засилье» русских студенток в некоторых учебных учреждениях, небесполезно вспомнить это недавнее прошлое. Ведь тогда так же сетовали на это. И что же? Можно привести еще множество примеров, подтверждающих тот факт, что в XIX — начале XX века русская молодежь из числа той, что, получив образование, не уехала на родину, а осталась в Швейцарии, зарекомендовала себя самым лучшим образом и внесла весомый вклад в развитие швейцарской экономики и науки. И не только швейцарской. Мы думаем, что через некоторое время появятся аналогичные данные о вкладе русскоговорящей диаспоры в экономику, науку и культуру Швейцарии. **ИБ**